

СЕРЕБРЯНАЯ СЕКЦИЯ

ХРАНИТЬ ДО

Деңиз

Начато: " _____"
Окончено: " _____"
Число листов: _____
Хранить: _____

Виталий Останин

Серебряная Секция

Виталий Останин

Венец

«Виталий Останин»

2021

Останин В. С.

Венец / В. С. Останин — «Виталий Останин»,
2021 — (Серебряная Секция)

После того, что творилось в Екатеринодаре, всей этой личной мести, заправленной запретной магией, события, наконец, перестают нестись галопом. И жизнь понемногу входит в колею. Попаданка Кэйтлин Смирнова потихоньку учится управлять непрошенным даром, а следователь Антон Лисовой, вместе с командой Серебряной Секции принимается за новое дело. На этот раз, ему предстоит ехать в командировку. Не далеко, в общем-то – в Крым.

© Останин В. С., 2021

© Виталий Останин, 2021

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	22
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Виталий Сергеевич Останин

Венец

Пролог

В Крыму воевали всегда. Удобное место. Каждый хотел, чтобы оно принадлежало ему. Узел международной торговли, удобная транспортная развязка. Но, как ни назови, в любом случае смысл сохраняется. Деньги. А где деньги, там и война. Кровью тут был пропитан каждый квадратный метр.

Поэтому здесь выгодно было проводить раскопки. Что-нибудь, да и найдешь при любом раскладе. Даже если не очень повезет, и руководитель экспедиции выберет не самое удачное место. Не захочет ссориться с другими «людьми науки» и велит студентам ставить лагерь на склоне. Где, это даже ежу понятно, найти что-то крайне проблематично.

Влад вздохнул и продолжил аккуратно обметать кистью край чего-то металлического. Терпение, аккуратность, ритмичное дыхание – три добродетели археолога. Неважно, что это металл. Его за сотни лет могло превратить в труху, и форму он сохраняет только благодаря сухой глине этого места. Какая разница, если ты уже можешь предположить, что работаешь с чем-то похожим на обод от кавалерийского шлема века четырнадцатого-пятнадцатого, который ценности не представляет – такого добра навалом в запасниках даже провинциального музея. А вдруг? Вдруг редкий артефакт? Шлем вождя, да не какого-нибудь, а, скажем, Гарадбея – он же, по неподтвержденным данным, где-то в этих краях голову сложил?

Окрестности Керчи стали могилой для воинов многих народов. И даже видов. Тут погибли десятки, если не сотни тысяч людей, эльфов, орков и гномов. В этих же местах на стороне османов сражались ракшасы – львиноголовые убийцы, не ведающие страха и боли и обладающие примитивной, но вполне эффективной в бою магией. Здесь, если верить официальным источникам, Российская Империя в последний раз в уже наступившую пороховую эру использовала кентавров-стрелков, которые своими тугими и мощными луками выкашивали боевые порядки вооруженных ружьями янычаров.

Другими словами, найти тут можно было все, что угодно. И никогда нельзя было угадать, что за предмет таится под слоем глины, пока не откопаешь его хотя бы наполовину.

А этот еще и слегка фонил магией.

Влад ездил на раскопки уже третий год, этот выезд должен был стать для него последним – дальше выпуск из университета, поиск работы и взрослая жизнь. И к этому этапу молодой человек намеревался основательно подготовиться. Так сказать, обеспечить себя стартовым капиталом, который бы позволил ему не начинать карьеру с должности старшего помощника младшего библиотекаря.

Сделать это можно было только одним путем: найти что-то, представляющее ценность, скрыть находку от руководителя экспедиции, после чего попытаться продать ее на «теневом» рынке исторических ценностей. Или, если повезет, на его аналоге, где шла торговля магическими артефактами. Тогда выручка вообще позволит не работать два-три года!

Но, чтобы определить магическую ценность артефакта, нужен был специальный прибор, который замерял остаточное излучение. Своего рода считыватель фона. И студенту-выпускнику такой пришлось купить, потратив огромную для его бюджета сумму в полторы тысячи рублей. Но он намеревался вернуть их на этом выезде. Сторицей.

Час шел за часом. Влад работал кистью, иногда пользовался тонким шилом, чтобы убрать окаменелости, и изредка прикладывался к бутылке с водой – на такой жаре пить следовало немного, только когда становилось совсем уж невмоготу. Искомый предмет уже показался про-

центов на тридцать, и теперь юноша был полностью уверен, что перед ним никакой не шлем, а что-то похожее на украшение. Почерневший от времени обод мог быть венцом – принадлежностью аристократии или деталью костюма, чье предназначение заключалось в том, чтобы удерживать густые длинные волосы.

К вечеру, когда солнце только начало тонуть в море, Влад аккуратно поднял освобожденный от земли предмет. Это и правда оказался венец. Простой, судя по всему, греческий или римский – об этом говорили стилизованные лавровые листья в передней части, сейчас больше похожие на грубые камни. Судя по желтому проблеску из-под отложений, золотой. Наверняка покрытый каким-нибудь орнаментом, который еще только предстояло увидеть. Но для этого с находкой еще придется много поработать.

Молодой человек огляделся по сторонам. Никто на него не смотрел, большая часть участников археологической практики занималась тем, что собирала инструменты, готовясь возвращаться в лагерь. Тогда он медленно, чтобы не привлечь внимания резкими движениями, убрал венец в холщовую сумку и аккуратно положил ее на дно рюкзака. Сверху же засыпал все протирочной ветошью и легкими, не способными повредить находку, инструментами.

– Что вы там так тщательно упаковываете? – услышал он за спиной голос руководителя экспедиции. Не вздрогнул от неожиданности Влад только потому, что замер, как это бывает с кроликом, который увидел удава.

– Инструменты складываю, – прикладывая все силы к тому, чтобы его голос не дрожал, тихо сказал юноша.

– Редко доводится увидеть, чтобы студенты так бережно обращались с выданными им инструментами. – хмыкнул руководитель.

Стараясь действовать неторопливо (суетливость выдает!), Влад обернулся и встретился взглядом с ученым.

Юлий Маркович обладал внешностью хрестоматийного научного сотрудника. Среднего роста, слегка сутулый от постоянного сидения за книгами и какой-то не от мира сего. Был бы еще бледным, его и вовсе можно было бы назвать книжным червем. Но его лицо с тонкими аристократичными чертами и руки с обманчиво хрупкими пальцами были покрыты постоянным загаром, выдавая принадлежность ученого к касте полевиков.

Даже выезжая на раскопки, он продолжал придерживаться академического стиля в одежде. Строгая рубашка цвета хаки заправлена под ремень. Верхняя пуговица расстегнута, под ней виднеется шейный платок. Брюки, о стрелки которых можно было порезать палец, сегодня заменили длинные, по колено, коричневые шорты. Голову покрывала турецкая феска с обмотанным вокруг нее платком.

Он был опытным археологом и очень требовательным научным руководителем. Студенты его уважали. Больше двадцати лет преподаватель копал Крым, знал тут каждую гору и холм, но, к сожалению, был крайне нерешительным в общении с коллегами, отчего его практиканты постоянно страдали.

– Так я уже не первый год ездю, Юлий Маркович, – произнес он, надеясь, что оглушительный стук сердца не слышен никому, кроме него. – Понимаю, что к чему.

– Отрадно слышать, молодой человек, – произнес преподаватель. – Но я думаю, что вы мне лжете. Вы что-то нашли, а теперь пытаетесь это скрыть, чтобы потом продать. Наверняка план у вас созрел, когда вы поняли, что этот учебный год у вас последний, и совсем скоро начнется взрослая жизнь.

Влад молча замер с раскрытым в немом изумлении ртом. Как руководитель экспедиции смог так точно угадать? Он что, прочел его мысли? Или следил за ним? А может быть, ему кто-то рассказал? Влад не имел привычки обсуждать свои планы с однокурсниками, но вдруг где-то похвастался на гулянке?

– Вы сейчас думаете о том, как я смог все это узнать, – снисходительно проговорил ученый. – Подозреваете меня в чтении мыслей или слежке. Это не так, могу вас уверить.

– Но... как?

Влад понимал, что своим вопросом сдал себя с потрохами, но промолчать не мог. Слишком уж невероятной была «догадка» Юлия Марковича.

– Вот в чем ваша беда, молодежь, – охотно пояснил тот. – Не ваша конкретно, юноша, даже не вашего поколения – молодежи вообще. Вы думаете, что являетесь первопроходцами во всем. Будто вам первым в голову приходит та глупость, которую вы намереваетесь совершить. До вас ведь никто и подумать не мог о том, как бы утаить находку от руководителя, а потом продать ее на черном рынке, обеспечив себе стартовый капитал для самостоятельной жизни.

Владу только и оставалось, что глупо хлопать глазами.

– К слову, я тоже не избежал этого, – улыбнулся Юлий Маркович. По-доброму так, без всякого профессорского высокомерия. – К счастью, мой тогдашний научный руководитель, спас меня от общения с сотрудниками полиции. А может, и от чего похуже. Поэтому, можно сказать, я возвращаю долг. Вы, молодой человек, сейчас достанете свою находку, а я сделаю вид, что не заметил, как вы пытались ее спрятать. Вы ее мне покажете, объясните, где нашли и как извлекали. Потом мы с вами обсудим данный предмет, подискутируем о его происхождении и отправимся к палаткам. Так, словно никакого недопонимания между нами не было. По приезду в город я ничем не выдам, что был какой-то инцидент.

В голове студента пронеслись сразу сотни мыслей. Но только три имели значение. Он вспомнил, что уже потратился на реализацию своего плана, даже в долг пришлось взять. Напомнил себе, что практика еще только началась, и у него наверняка будет случай найти что-то интересное. Ну и, наконец, прикинул практическую ценность своей находки, которую еще не успел оценить. Да, магический фон имелся, так что нашел он определенно артефакт. Однако фонил он едва-едва, так что, вполне возможно, его стоимость могла и не покрыть уже имеющихся расходов. Да, золотой блеск, но ему ведь вполне могло показаться! Может, медь или бронза – греки в основном с этими металлами работали.

А значит, лезть в бутылку и портить отношения с руководителем экспедиции не стоило. Тем более Юлий Маркович первым протягивает руку. А мог и сдать полиции!

Влад молча раскрыл рюкзак и, покопавшись внутри, вынул холщовую сумку. Достал оттуда венец и протянул его преподавателю.

– Хм-м? – произнес тот, принимая металлический обод. Почесал подбородок, после чего проговорил еще более озадачено. – Вот даже как?

– Что это? – не удержавшись, спросил Влад. – Что-то ценное?

Профессор поднял на него глаза, из-за стекол очков казавшиеся огромными, и долгое время молча рассматривал лицо студента с таким видом, будто перед ним был не молодой человек, а жаба.

– Ценное? – наконец уточнил он. – Сложно сказать. Но, если меня не подводит опыт, это не простая поделка, верно? Полагаю, вы озаботились приобретением анализатора, раз уж решились на правонарушение?

– Он имеет магический фон. Но очень небольшой, едва уловимый, – был вынужден признать Влад.

– Что же, я так и думал. А где вы его нашли?

Студенту ничего не оставалось, кроме как указать место. Потом проводить туда ученого и подробно объяснить, почему он решил искать именно здесь, а также перечислить все этапы работы.

Профессор слушал с несколько отсутствующим видом. Но кивал в нужных местах. А потом даже похлопал Влада по плечу и сказал: «Отличная работа!»

– Так что это?

– Венец, – рассеянно отозвался Юлий Маркович. – Десятый век нашей эры, думаю, вряд ли позже. Конечно, еще предстоит внимательно изучить находку, очистить от отложений, но...

Влад был хорошим студентом. Ему нравилась история. И он много узнал, учась в университете. Поэтому он удивился, когда ученый назвал предположительную датировку находки. Влияние греческих полисов на эту местность к десятому веку после рождения Христа было настолько незначительным, что сразу вставал вопрос – что тут делать венцу с листьями лавра? Может быть, это римское украшение? Офицерское, точнее даже, генеральское? Латиняне много переняли от греков, включая манеру чествовать героев, надевая им на голову стилизованные лавровые венки.

Но десятый век? Рим уже тоже был в закате, а Византия эту территорию почти потеряла, тут властвовали хазарские племена. Да и не было у византийцев этой греко-римской моды. Видимо, преподаватель ошибся с оценкой. Желает скрыть истинную ценность предмета от студента или...

«Ты чего себя накручиваешь? – мысленно одернул себя Влад. – Сказал и сказал! Что он, по-твоему, ошибиться не мог?»

– Если это артефакт, мы должны его сдать? – с сожалением произнес он.

– Разумеется. Его должны изучить и решить, представляет он опасность или нет, прежде чем отдавать обратно археологам, – кивнул руководитель экспедиции. – Я вызову «служилых» людей.

Произнес это он без всякого удовольствия, и Влад прекрасно понимал, почему. Агенты Серебряной Секции надолго парализуют работу раскопок, будут шляться вокруг, задавая всем вопросы и мешая работать. А также выяснять, не прикарманил ли кто-нибудь что-то запрещенное. Последний довод ставил крест на планах студента.

– А ведь можно этого избежать! – вдруг воскликнул Юлий Маркович.

Влад с недоумением уставился на него.

– Я имею в виду, незачем вызывать Секцию! Можно самим отвезти артефакт в ближайшее отделение полиции! – пояснил Юлий Маркович. И подмигнул студенту. – Что скажете, молодой человек? Вы обнаружили предмет, я ваш научный руководитель! Потратим остаток дня и спасем практику?

В этом был весь профессор. Старательное избегание острых углов, максимальная сосредоточенность на любимом деле. Он даже в находке увидел лишь помеху своей драгоценной экспедиции. Опасаясь, что сюда нагрянут люди в форме, он даже был готов потратить время и самостоятельно доставить предмет властям.

Но Владу это было на руку. И он согласился.

– Я не против, – протянул он.

– Вы не думайте, я не собираюсь говорить, что вы хотели укрыть находку! – по-своему интерпретировал его нерешительность ученый. – Сообщим лишь то, о чем мы с вами договорились!

Логика в его словах была. Влад и сам не хотел бы, чтобы тут шаталась полиция, лишая его возможности сравнительно честно заработать стартовый капитал (или хотя бы вернуть долги). Поэтому, недолго думая, он уселся в потрепанный жизнью и годами службы профессорский «Новгородец» и уже через пять минут поездки задремал. День выдался утомительным.

Проснулся он от того, что перестал чувствовать движение машины. Открыл глаза, повернулся в сторону водителя и никого там не увидел. Всполошившись, он выскочил из «Новгородца» и почти сразу нашел взглядом профессора. Тот стоял на краю обрыва и смотрел на закат.

– Сколько лет сюда приезжаю, а все насмотреться не могу, – сообщил он, не оборачиваясь. – Самое прекрасное, что я видел – закат над морем в Крыму. Составите мне компанию? Это зрелище стоит того, чтобы его разделить с кем-то.

– Я думал, мы торопимся, – хриловатым со сна голоса сказал Влад, приближаясь к руководителю.

– Не беспокойтесь, молодой человек! – рассмеялся тот. – От пяти или десяти минут ничего не изменится. Закат не длится долго.

Он чуть посторонился, давая студенту место на своем наблюдательном пункте, и замер, словно статуя. Казалось, он впитывает зрелище не одними только глазами, но и всем телом.

Посмотреть, конечно, было на что. Раскаленный, с рваными из-за небольшой облачности краями, сгусток желтого огня едва лишь коснулся своим нижним краем водной глади. С той точки, где они стояли, казалось, что от воды сейчас должен повалить пар – не могли две эти противоборствующие стихии столкнуться и не вызвать катаклизма. Однако ничего такого не происходило.

– Красиво, – сказал Влад.

Точнее, он хотел это сказать. А потом напомнить профессору, что керченские виды – это, конечно, здорово, но хотелось бы вернуться в лагерь до полуночи. Но сделать этого ему не удалось. Поскольку он понял, что больше не стоит на твердом обрыве, а, кажется, летит. Или падает. Навстречу этому свинцово-серому морю и яркому солнцу. А мимо пролетают желтоватые камни песчаника...

Он даже не подумал, что профессор его толкнул. И удара о мокрые камни не почувствовал. Не услышал хруста ломающихся костей и рвущейся плоти. Его сознание милосердно погасло, запечатлев последний образ – закат над морем. И, естественно, он не видел, как его научный руководитель, проводив его падающее тело взглядом, воровато огляделся по сторонам и поспешил к машине.

Глава 1

– Больше всего мне не хватает музыки, – вздохнув, сообщила Кэйтлин, и откинулась на подушки. – Нашей музыки, а не вообще.

– А что не так с нашей? – уточнил я.

– Да все нормально с вашей. Попса как попса, классика тоже плюс минус та же. Даже шансон в наличии, а вот рока нет. Ни русского, ни какого другого. Я бы «АсиДиси» послушала, «Хайвей ту Хелл» или «Тандерстрак». «Квинов»¹ еще...

Это девушка не заговаривалась. И на мертвых языках не вещала, как порой случается среди последователей христианства. Просто она была попаданкой. Человеком, попавшим в наш мир из другого. Термин, кстати, ее авторства, его не я придумал.

Кэйтлин говорила, что такое явление, как «попаданчество», в ее мире широко освещено в кино и литературе. Что достаточно странно – на ее родине нет магии. В смысле, вообще нет, не только у людей. Откуда тогда столько сведений о перемещениях между мирами? У нас-то не всякий эльф об этом осведомлен, а у нее дома чуть ли не каждый человек о такой возможности знает?

Причем попадают эти самые попаданцы не только в другие миры, но еще и во времени путешествуют. Во временные узлы, с тем, чтобы поменять «неверно» сложившуюся историю. В войне там победить или диктатора какого во младенчестве кончить. Когда она все это мне рассказала, я, признаться, на минутку замечтался. Что было бы, если бы попал обычный русский следак, скажем, во времена призвания на княжение вождя гномов Рюэрка? И отговорил бы предков от подобной глупости, которая, по сути, положила начало конфликтам людей со Старшими расами? Наверное, ничего бы не изменилось. Стукнули бы меня по голове да и притопили в ближайшем болоте. А история бы пошла, как и должна.

Сегодняшний наш разговор, как и все предыдущие, проходил в больничной палате. Обычной, хотел бы сказать я, но это было не так. После срыва, к которому привели события последних дней, девушку накачали седативами, обвешали блокирующими магию артефактами и привезли в закрытый лечебный комплекс. Такой, куда простому человеку попасть не светило никогда в жизни, так как лечили тут только нелюдей. А Кэйтлин как раз и была магом. Единственным магом-человеком на Земле. На нашей Земле, в смысле.

В спецбольницу ее «упаковали», когда она здание управы чуть по камешку не разнесла. Только мы разобрались с кризисом, злодея убили, секту разоблачили и начали с некой надеждой смотреть в будущее, как это произошло.

Я тогда подумал – все, конец нам всем! Погребет под завалами. Мы тем вечером, точнее, ночью, мирно потребляли бренди вместе с бывшим шефом. Я в процессе этого действия заснул, что не удивительно – нервы, усталость, алкоголь. А проснулся от того, что здание тряслось и как бы стонало всеми своими железобетонными ребрами. Со сна подумал, что землетрясение и рванул к выходу. Но шеф ухватил меня за ворот и поволок к кабинетам Секции – именно туда эльфка увела девушку «на поговорить».

Зрелище до сих пор, как молнией выжженное, перед глазами стоит. Кабинет Амалайи затянут красноватым туманом, будто кто кровь из пульверизатора обильно распылил. В нем проскальзывают молнии – тоже красные. Бьют в стены, потолок, пол. Рикошетят, шипят, злятся. И голоса. Два голоса – один монотонный, будто бы не живой, ровно и упрямо повторяющий одну и ту же фразу на эльфском. И другой, яростный, выкрикивающий слова со скоростью пулемета. Тоже, что характерно, на том же северном наречии.

---

¹ Лисовой слышит и понимает так, как говорит Кэйтлин. А у нее не идеальное произношение.

В центре кабинета, в котором уже не осталось ни предметов мебели, ни деталей служебного интерьера, стояли две женщины. То есть это я умом понимал, что женщины, а так – просто две размытые фигуры, окруженные всполохами молний и лепестками темного пламени. Но не просто стояли – сражались.

Кэйтлин, не сходя с места, лупила молниями и сгустками огня вокруг себя. Не слишком прицельно, больше доставалось стенам, чем ее противнице. А вот эльфка действовала грамотнее. Она кружила вокруг девушки, прицельно просаживая ее защиту короткими, но, судя по яркости вспышек, сильными ударами.

В ход шло все. Веретенообразные смерчи, острые ледяные глыбы, водяные плети и потоки огня. Я за все время службы в УБОМПе не видел столько магии, как в ту ночь. Заклинания обрушивались на Кэйтлин, но не причиняли ей никакого вреда. Как, впрочем, и ее ответные действия.

Кажется, девушка собой не владела. Не знаю, как Вивисекторы осуществляли перенос сознания убитого на ритуале эльфа, его дара, памяти и навыков в разум иномирянки, но у меня лично сложилось впечатление, что сражалась не она, а призрак убитого мага.

Потом подоспели гном с орком, которые принесли с собой блокирующие магию артефакты, и битва тут же стала затихать. Вскоре лишившаяся чувств девушка упала на пол, кровавый туман словно бы втянулся в разбросанные блокираторы, и агенты Секции тут же приступили к работе. Я за ними уже не следил – тут же рванул к Кэйтлин и подхватил ее на руки. А эльфка тут же нацепила ей на шею очередной блокиратор.

Как потом выяснилось, Шар'Амалайя не очень правильно оценила душевное состояние иномирянки, чьей наставницей по магическим дисциплинам она вызвалась стать. Да и сама она была не слишком готова к разговору с подопечной. Вообще, не лучшая идея знакомиться с неконтролирующим себя магом спустя пару часов после того, как своими руками убиваешь бывшего любовника, а потом напиваешься в компании с пожилым орком. Как-то она спровоцировала новоявленную волшебницу, которая еще силой своей пользоваться не научилась, вот и случился срыв.

К счастью, блокираторов в Секции было в достатке, да и сама Амалайя была магом не из последних. Серьезных разрушений удалось избежать, как и жертв, но работать после урагана Кэйтлин агентам стало негде – помещения, выделенные управой Серебряной Секции, пришли в полную негодность и требовали серьезного ремонта. Поэтому, когда девушку отправили в спецлечебницу под надзор специалистов, эльфка «попросила прибежища». У меня же имелась контора, снятая для деятельности частного детектива. Так что в данный момент Секция располагается там. Но платит за помещение теперь управа.

М-да, что-то я отвлекся. Так вот, палата была не совсем обычной. Тут имелись кровать, тумбочка, пара стульев для посетителей и телевизор на стене. Вроде все, как и в других подобных больничных помещениях, но с некоторыми отличиями. Во-первых, находилась палата в подземном помещении, и окна тут предусмотрены не были. Во-вторых, все предметы интерьера были намертво прикручены к полу, чтобы разбушевавшаяся пациентка ненароком не стала их использовать в роли метательных снарядов. Кроме того, в стены были вмонтированы стационарные блокираторы, которые могли вырубить десяток эльфов, не то что хрупкую девушку. Ну и вооруженная разрядниками и шприцами с наркотиками охрана в коридоре имелась.

Кэйтлин, когда я первый раз пришел ее навестить, охарактеризовала свое обиталище фразой «тюремная психушка». Я не стал с ней спорить – действительно было похоже.

– Я пришел сказать, что сегодня тебя выписывают, – сказал я, присаживаясь на стул у кровати. – Твой лечащий врач вынесла заключение, что ты более не опасна для окружающих. Если, конечно, будешь носить блокиратор за пределами учебных помещений и пить назначенные лекарства. Амалайя тоже так думает, поэтому ждем выписку и домой!

Может быть, с моей стороны и было самонадеянно называть свою квартиру домом для человека, чужого в этом мире, но девушка, кажется, ничего против этого не имела.

– Хвала богам! – воскликнула она. А я подумал, что она уже довольно хорошо адаптировалась. Вон, даже в восклицании поминает богов, как местная! – Я уже со скуки на стену готова лезть! Делать тут нечего!

– Я думал, ты читала. У тебя же был доступ к сети, – и я указал рукой на портативный компьютер, который ей принес.

– С интернетом, тут ты прав, было не так ужасно, – рассмеялась она. – Но – неделя, Карл!

– Меня не так зовут.

– Это цитата, Антон, не обращай внимания! – Кэйтлин отмахнулась. – Просто неделя – это слишком долго. Я успела выучить историю вашего мира, пока тут лежала. Трэш, конечно!

Еще одно словечко из ее лексикона. Я раньше значения его не понимал, но затем сам не заметил, как стал его использовать в своей речи.

– И что же в нашей истории тебе показалось таким трэшковым?

– Ой, да все! У вас же Англии не было. Британии, в смысле.

– Как это не было? А орки, по-твоему, откуда взялись?

– Вот! Об этом я и говорю! Орки! У нас на острове жили кельты, которых сперва завоевали римляне, потом саксы, норманны и бог весть еще кто! В итоге из этой солянки появилась нация – англичане, которая во многом определила развитие нашего мира. Колониальные войны, политика, язык – пожалуй, нет ничего, на что британцы влияния не оказали. А у вас – орки-изоляционисты.

– Ну, не такие уж они изоляционисты...

Хотя тут она права. Только за известную нам, людям, историю орки трижды запирались на своем острове, чтобы в очередной раз осмыслить свое место в мире и прочие вопросы мироздания. В первый раз все закончилось отказом (сперва формальным) от ритуальной магии, во второй – разрывом союза с эльфами, а в третий – выступлением на стороне людей. Ментаты, что с них взять!

– И в результате гегемоном на долгое время стала Франция, – продолжила между тем Кэйтлин. – Они, а не англичане боролись с Испанией за владычество над Новым Светом, образовали там первые самостоятельные колонии, и, наконец, благодаря им в вашем мире нет США!

Закончила она с каким-то нездоровым, на мой взгляд, триумфом. Как если бы только что произнесла тезис, совершенно однозначно доказывающий, что Старшие расы в нашем мире такие же гости, как и она. Ходила такая теория в интернете... тьфу ты! В сети!

Про США ее мира я уже знал. Большая страна в Северной Америке, основанная колонистами из разных стран Старого Света, сильная и в современности считающая себя очередным пупом мироздания. Устанавливает везде свои порядки, делает, что хочет, и ни за что не отвечает – в общем, ведет себя, как любое нормальное государство, которое может так безнаказанно поступать.

У нас место Соединенных Штатов Америки занимал доминион французской короны – Канада. Доминионом, правда, он назывался, скорее, по традиции, а по факту Версаль уже давно не пытался навязать свою власть Квебеку. Страна занимала большую часть Северной Америки и имела политические интересы по всему миру. Фактически Америками управляла именно Канада. Исключением была разве что бывшая русская колония, а ныне сильное, независимое и самостоятельное государство – Калифорнийская Республика.

Кстати, с этой единственной колонией Российской империи получилось довольно забавно (хотя императорская фамилия, наверное, так не считает). Когда разгорелась Последняя война Старших рас, калифорнийцы, давно уже тяготившиеся ролью колонии, под шумок

объявили независимость. Разослали официальные письма по всем странам-партнерам, написали конституцию, сменили гимн и флаг, но главное – перестали платить налоги.

В любое другое время туда была бы направлена Тихоокеанская эскадра с десантом из десятка тысяч морских пехотинцев, но больно уж момент наши заокеанские братья-славяне выбрали удачный. Всем было настолько не до демарша небольшой русской колонии, что про нее просто предпочли забыть. Шутка ли – пылал юг и запад империи, в руинах лежала половина Европы, кому какое дело, что там за океаном происходит?

А потом, после войны, выяснилось, что колония уже обзавелась собственным флотом и армией, заключила союз с империей Теночка и даже успела поделить с ацтеками Техас, выбив оттуда испанцев. И посылать карательную экспедицию за океан, да еще после тех потерь, которые понесла русская армия, было бы самоубийством.

Тогдашний кабинет министров, конечно, очень мудро поступил, что в те времена редко бывало. Вместо того, чтобы оружно возвращать своих бывших поданных в лоно империи, государю рекомендовали узаконить их самопровозглашенный статус. Первыми в мире признать независимость Калифорнийской Республики и заключить с ней союз. Прицепом шли улучшившиеся отношения с Теночтитланом, что в свою очередь было щелчком по носам французского и испанского монархов. Подозреваю, именно последний аргумент оказался решающим.

Вчерашние колонисты, которые, строго говоря, русскими уже не были – намешали крови с немцами, испанцами и местными туземцами – народом все же остались братским. И жест самодержца оценили. Провозгласили российского императором другом, товарищем и *компаньеро республики*, подписали договоры и даже выделили в своем парламенте не занимаемое место, которое «отныне и на веки вечные» принадлежало члену царской семьи.

До прихода лечащего врача Кэйт делать было нечего, и мы с ней погрузились в сравнение истории ее и моего мира. В какой-то момент мне показалось, что она изрядно перегибает палку, «тыкая» в некие узловое места прошлого, и объясняя, почему у нас все пошло не так, как у них.

– Мне кажется, что сравнивать истории наших миров не вполне корректно, – заметил на это я. – У вас не было ни Старших рас, ни Младших.

– Чем больше я узнаю, тем больше убеждаюсь в том, что влияние на ваш мир они оказали не слишком большое. Да и то, как внешний, а не внутренний фактор, – возразила девушка.

– Как это! – возмутился я. – А войны Старших рас?

Их одних хватило бы, чтобы признать «влияние» нелюдей на историю мира. Три войны, каждая из которых перекраивала политические карты и уничтожала тысячи людей. А еще ведь были конфликты, которые на статус войны не тянули, и там тоже участвовали нелюди. Не оказали существенного влияния, ага!

– Да взять хотя бы Последнюю! – запальчиво начал я. – Если бы в конце девятнадцатого века орки не вышли из своей очередной, как ты ее называешь, изоляции, и вместе с гномами не развалили планы эльфов, сейчас земли Российской Империи были бы поделены между франками, германцами и османами! А в Европе не осталось бы ни Испании, ни Италии, да никого вообще, кроме франко-германцев! И над всем этим возвышались бы длинноухие!

– Вот! Вот про это я тебе и говорю! – тут же воскликнула девушка. – Все их влияние – это войны. Политика, геополитика, конфликты друг с другом и с людьми. Ну и магия, естественно. Где культурный слой? Где заимствования из их языков? Про участие в жизни социума я вообще не говорю – кроме жалкой попытки популяризации эльфийских арий – ничего не было.

– Нам, знаешь ли, и войн с избытком хватает!

– Да, но ведь несколько разумных видов не могут ограничиться только этим! Смотри, они же либо на своих землях сидели, либо воевали. Территориями никогда не прирастали, даже в колонизации Америк участия не принимали.

– Ну, как не принимали! – ухмыльнулся я. – Гномы вполне успешно купили у русских Аляску, а эльфам, по слухам, принадлежит большая часть экономических активов Нового

Света. Кот, я понимаю, к чему ты ведешь. Поверь, ты не первый человек, который делает такие выводы.

Про себя я подумал, что идея собрать ей набор закладок с историческими страничками была не самой лучшей. Действовал-то во благо, чтобы девушка лучше понимала мир, который, судя по всему, станет ей домом, хочет она этого или нет. Но ее неподготовленный разум, и без того постоянно находящийся под стрессом, не справился с валом информации. И плодит теперь сущности. Сейчас она скажет...

– Но очевидно же, что они здесь чужие!

Как я и предполагал! Прыгая по сети от одной ссылки к другой, она неизбежно добра-лась до «Происхождения видов путем неестественного отбора» Шарля Дарвина. Теория не то чтобы революционная, но в свое время – очень популярная. Дарвинисты отрицали возможность зарождения на одной планете нескольких разумных видов, считая Старшие расы пришельцами на Земле. Правда, они никак не могли этого доказать, да и прийти к единому мнению, откуда пришли эльфы, гномы и орки, у них тоже не получалось.

Как по мне – плевать. В смысле, правы они или сторонники эволюционной теории. Сегодня это не имеет никакого значения. Вообще. О чем я Кэйтлин и сообщил.

– Даже если и так, Кот. И что? Старшие живут с нами давно. Дольше, чем может с уверенностью проследить человеческая история. Две или три тысячи лет точно. Так какая разница – были они тут постоянно или пришли откуда-то?

– Да, в общем-то, никакой, – вдруг легко согласилась девушка. – Это ты сказал, что истории моего и твоего мира нельзя сравнивать. Я тебе доказала, что ты не прав. Можно, очень даже. Закономерности видны невооруженным взглядом, только у вас общая картина замыливается присутствием нелюдей и их магии.

Я заморгал. Нет, я никогда не считал себя знатоком женской логики, но заявление Кэйтлин просто открывало новые грани этого явления! Что значит, она мне доказала? Победила в споре, который сама же и затеяла? Сильно!

– Ладно, – сказал я, чувствуя потребность сказать что-то совсем иное. – Пусть так. И что?

– Да ничего, – девушка уже утратила интерес к теме беседы. – Слушай, а долго еще ждать?

Я так уже хочу отсюда свалить!

Я оживил экран коммуникатора быстрым двойным нажатием, посмотрел на циферблат часов.

– Да, кстати. Что-то долго идет наш врач.

В спецлечебнице, к слову, как-то иначе двигалось время. Тут никто никуда не спешил. Понятно, южный менталитет, но здешние сотрудники умудрились даже его переплюнуть. Когда я первый раз пришел сюда, то ждал главного врача, пожилую орчанку, полтора часа. Как выяснилось, все это время она была занята не заботой о каком-то важном пациенте, а болтовней по сети с дочкой, которая жила в Валихсе.

– Может, сходишь, поторопишь их? – предложила Кэйт.

– Вряд ли это поможет, – вздохнул я, но все же поднялся и направился к двери. Нажал на звонок, дождался, когда тяжелая дверь открылась и уткнулся носом в грудь орчанки.

Доктор медицины Бёртх Охсулт была среднего для женщины своего вида роста, то есть всего-то на голову выше меня. Кустистые брови, массивные надбровные дуги, широкий нос и тяжелая челюсть, выдвинутая вперед, как у человека с неправильным прикусом. Назвать ее красивой с точки зрения наших канонов было нельзя, однако я знал, что по орочьим меркам она являлась дамой интересной, несмотря даже на почтенный возраст – что-то около двухсот лет. По крайней мере Агрех Дартахович, бывший мой шеф, откровенно ей глазки строил, когда сюда приходил.

– Все спешите, Антон Вадимович, – пошутила она, припомнив нашу первую встречу. Ту самую, когда я прождал полтора часа в приемной.

– Наша жизнь коротка, – тут же отозвался я.

– И не поспоришь.

Она дождалась, пока я отойду в сторону, и неспешно вплыла в палату. Остановилась напротив кровати Кэйтлин, присела на привинченный к полу стул.

– Ну что же, милочка, – грудным голосом произнесла она. – Вы у меня, конечно, уникам: никогда, знаете ли, не приходилось наблюдать магическое истощение у представителя вашего вида. Но на сегодняшний день я склонна считать вас вполне восстановившейся. С пусковыми механизмами ваших стрессов я тоже поработала и смею надеяться, больше они вас не побеспокоят.

Орки, я напомним, ментаты. Для них залезть в голову пациента не проблема – было бы согласие. Они лечили такие психологические патологии, что проблемы Кэйтлин для них точно не могли стать вызовом.

– Я тоже должна признать, что тревожность ушла, – сообщила девушка.

– Причина в детских травмах, как и всегда у разумных, – с некоторым сожалением сказала доктор. – В тот самый период, когда психика наиболее подвержена напряжению, взрослые ее травмируют. Сильнее всего это проявляется у людей, в силу короткого периода, отведенного природой для взросления и становления личности. Реже всего, чтобы вы понимали, у эльфов. Эволюция этого вида даже предусмотрела специальный период, во время которого особь учится взаимодействовать с миром.

Это она про их «детский» статус говорила, который длится без малого лет сто. Что тут скажешь, с их сроком жизни они могли себе это позволить!

– Рецидивов не будет? – уточнила Кэйтлин.

– Ну, это больше от вас зависит. Практикуйте комплекс упражнений, которому я вас научила, пейте лекарства, носите блокираторы хотя бы первое время и, думаю, все будет хорошо. Что же касается вашего дара...

Тут орчанка замялась, бросив на меня выразительный взгляд. Я ее прекрасно понимал, бедняжку таким количеством страшных бумаг завалили, каждая из которых имела гриф «Перед прочтением сжечь», что она теперь уже сама не понимала, с кем можно быть откровенной, а с кем нет.

– Все в порядке, госпожа Охсулт, – сказал я. – Я полностью посвящен в предмет и написал не меньше бумаг, чем вы.

– Это хорошо, – невесело усмехнулась та. – Хотя хорошего тут мало, м-да. В общих чертах, Кэйтлин, все выглядит вот как. Личность эльфа, которая находится в вас, будет слабеть. Так сказать, утрачивать черты самоидентификации. Сейчас она еще вполне осознает себя, хотя после нашего лечения это и проявляется все слабее. Через пару лет, предполагаю, она полностью растворится в вашей. Его воспоминания станут вашими, как и знания. И больше не будет попыток выяснить, кто главный в вашей голове.

– Это же здорово, да? – спросила Кэйтлин, как и я уловившая некий подвох в этой хорошей новости.

– Если смотреть в отрыве от всего прочего, безусловно! – доктор явно подбирала слова. – Но сам процесс... как бы это сказать, будет болезненным.

– Насколько?

– Трудно говорить с уверенностью, – развела руками орчанка. – Вы первый случай, который я наблюдаю. Но предположить можно, что очень. Видите ли, в вас сидит личность существа, которая еще не оставила попыток взять под контроль ваше тело. Она прекрасно понимает, что умирает, теряет собственные черты и растворяется в чужом разуме. Как бы вы, например, вели себя в подобных обстоятельствах?

– Дралась бы! – твердо, без тени сомнений, произнесла девушка. И тут же ойкнула, сообразив.

– Вот и она тоже будет драться, – кивнула доктор. – Мы сможем ослабить процесс медикаментами, в случае кризисов – обращайтесь к нам. Пока же не вижу смысла держать вас тут.

Она отдала тонкую папку с бумагами, еще немного поболтала с пациенткой и вскоре покинула палату.

– Я думала, меня тут навсегда оставят! – громким шепотом произнесла Кэйтлин. – Ну, знаешь, будут изучать, опыты ставить...

– Кот, ну за кого ты нас тут принимаешь! – с деланой обидой ответил я, сам, признаться, удивленный, что все произошло не так, как она описывала. До самого того момента, пока Шар'Амалайя не дала слова, что Кэйтлин не утратит статуса свободной личности и ее ученицы, я постоянно ждал появления людей в одинаковых костюмах с корочками ИСБ.

– Да дело не в том, что я о вас думаю, а в том, как устроены дела в реальной жизни, – отозвалась девушка. – В моем мире человека со способностями точно упекли бы в какое-нибудь секретное государственное учреждение. И не надо говорить, что это не так.

Я и не стал. Потому что был на сто процентов с ней согласен. Если бы не участие в судьбе иномирянки моего бывшего шефа и готовность главы местной Секции взять ее под свое крыло, все именно так и закончилось бы. Почему орк и эльфка решили так поступить, я отчасти понимал. После того, как я узнал, что Лхудхар является региональным координатором Морсьёрда, а меня готовит в преемники, многое стало понятным. Много, но не все.

На улице нас ждало такси, которое я вызвал, пока Кэйтлин переодевалась в гражданское. Помогая девушке усесться на заднее сидение – просто счастье, что она еще не успела обрасти огромным количеством вещей – я почувствовал вибрацию в нагрудном кармане.

– Слушаю, – произнес я, сам заняв место рядом с Кот, и велел водителю трогаться.

– Ты Кэйт забрал?

Голос был низким, глухим, будто бы доносящимся из глубины темной расщелины. Гномий голос. Знакомый и привычный.

– И тебе привет, Ноб.

– Госпожа собирает совещание, – гном, как обычно, игнорировал правила приличия в виде приветствий. Дитя холодных гор, что с него взять?

– Прямо срочно? Мы еще даже домой не заехали.

Первое свидетельство того, что вольная жизнь человека закончилась – это звонок сослуживца, сообщающего, что тебя ждут на важном служебном собрании. И нет никакой возможности отказаться – ты же сам согласился работать в Секции. С другой стороны, работа – это хорошо! Когда ты работаешь, в голову не лезут эти «прекрасные» мысли о том, как все устроено в реальной жизни. Ты просто делаешь свое дело.

– Да, срочно. У нас, похоже, командировка нарисовалась.

– Вот как? А далеко?

– Антон, я твой секретарь, что ли? Двадцать минут, мы только тебя с Кэйт ждем!

Я отключился, сообщил новости девушке, выслушал в ответ возмущения, что она «не собрана» и «не накрашена», и неожиданно для себя улыбнулся.

Кажется, всего за неделю я успел соскучиться по работе следователя.

Глава 2

Когда в твоей судьбе принимает участие советник императора, это хорошо. И вдвойне хорошо, если он не звонит никому и не кричит в трубку: «Не трогайте Антошку, он мой личный друг!», а просто существует где-то в далекой столице и думать о тебе не думает. За него все делает сарафанное радио. Как бы ни утаивали от широкого круга факт приезда в Екатеринодар Шувалова, те, кому надо, об этом узнали. Равно как и о том, что среди прочего советник государя встречался с одним разжалованным следователем.

Зачем встречался? С какой целью? Что вообще может быть общего у столь разных, с точки зрения социальной пирамиды, фигур? Может, они родственники? Или, наоборот, враги? Ох, не смешите меня, Михаил Игнатович, как отставной сыщик может быть врагом самому Шувалову? Он его протеже, это же очевидно! Слышал, что имеет некое касательство к недавним событиям, да-да. Лисовой – человек Москвы, как бы даже не из личной СБ государя? Зачем он тогда здесь? Ох, ну кто же нам с вами об этом расскажет!

А дальше включились механизмы самосохранения, давно выработанные у чиновничьего сословия, и которые из поколения в поколение только совершенствовались. Буквально на третий день после почти высочайшего визита на имя Лхудхара пришло письмо из комитета внутренних расследований. В нем сообщалось, что дисциплинарная комиссия, решением которой я был уволен со службы, допустила ошибку – не учла послужной список и характеристику следователя УБОМПа Антона Вадимовича Лисового.

Документы эти явно по недосмотру мелкого клерка (несомненно, уже строго наказанного!) не были приобщены к делу. А потому, в общем-то, и произошла накладка. Но теперь члены комиссии докопались до правды, со всеми необходимыми сведениями ознакомились и пересмотрели свое решение. Следователь Лисовой восстанавливался на службе с небольшим наказанием в виде выговора, который тут же, впрочем, снимался, как компенсация за якобы ошибку системы.

В общем, через три дня после отъезда Шувалова, без всякого его вмешательства я снова числился следователем, а на четвертый уже переводился в Серебряную Секцию полноценным агентом, а не консультантом. Кроме того, в определенных кругах я еще и обрел репутацию человека, которому дорогу переходить ни в коем случае не стоило. Во избежание, так сказать – с такими-то покровителями!

Должность консультанта, изначально создававшаяся под меня, потеряла смысл. Но она была согласована в столице, то есть требовала замещения, иначе непорядок выйдет – ставка есть, а человека нет. Не знаю, как в других странах такие вопросы решают, а у нас, в империи, уже сложилась определенная практика. Человека найти куда проще, чем ставку выбить и через все процессы бюрократического согласования проташить.

В итоге консультантом в Секцию оформили Кэйтлин. Трех зайцев одним выстрелом убили: и вакансию заполнили, и человека потенциально опасного под присмотром оставили, а заодно и собственными средствами к существованию его, точнее, ее обеспечили. А то ведь тяжело попаданцам с трудоустройством.

Собственно, именно поэтому она и участвовала в совещании, которое собрала Шар'А-малайя. Синекура там или нет, но раз уж получает жалование, то и обязанности на нее распространяются. Впрочем, девушка нисколько против этого не возражала, напротив, с энтузиазмом погрузилась в новую для себя сферу. А поскольку в службе она мало что понимала, ей особенно хорошо удавалось задавать вопросы. Как сейчас.

– Почему полиция Керчи хочет привлечь Секцию к делу о самоубийствах?

Годрох едва начал выводить на интерактивный экран данные, полученные от крымских коллег, и пока там были только фотографии восьми жертв – девушек, различными способами

решивших уйти из жизни. Все, как одна, молодые, симпатичные, но, в общем-то, ничем особенно не примечательные.

– Потому что за подобными случаями очень часто стоит запретная магия, – с бесконечным терпением пояснила Амалайя, после чего, видя, что у Кэйтлин уже заготовлен новый вопрос, жестом велела ей помолчать. – Но полиция и этих-то не сразу в одну серию увязала. Годро, закончи уже с общей картиной.

– Пару минут, госпожа, – отозвался тот.

Орк был подключен к интерактивной доске и мог усилием мысли выводить на нее всю доступную информацию. А так как в Секции он, кроме прочих занятий, выполнял задачи штатного аналитика, все необходимое он уже прочел. И теперь занимался тем, что выдавал для нас общую картину преступления.

Точнее, целых восьми преступлений. Которые, это Амалайя совершенно верно заметила, в серию связали далеко не сразу. Точнее сказать, произошло это несколько дней назад, на восьмом самоубийстве, и то лишь потому, что в Керчи погибла дочка мэра другого крымского города – Феодосии. А до того дела всех «самоубийц» тихо убирались на полку с надписью: «Нет состава преступления».

Вообще, чем больше я смотрел на доску, где появлялись все новые и новые данные, тем больше видел, что никакие это не самоубийства. Восемь девушек, похожих друг на друга, как двоюродные сестры, но с разными обстоятельствами ухода из жизни. На первый взгляд никакого сходства в их делах не было, кроме типовой внешности, однако сами способы суицида настораживали.

Первая прыгнула с балкона гостиничного номера, вторая вышла на оживленную автостраду в час пик, третья перерезала себе вены, четвертая утопилась в море, пятая повесилась, шестая выпила яд, седьмая застрелилась в оружейном магазине, а восьмая, та самая дочка мэра, намешала такое количество алкоголя и таблеток, что не выдержало даже молодое сердце.

Очевидно же, да? Ни одного повтора! Так, словно все девушки принадлежали к некому тайному клубу, где разыгрывали способы проститься с жизнью, делая каждый из них уникальным.

– Разные способы самоубийства как показатель связи между преступлениями? – вскинула брови на мое замечание Шар'Амалайя. – Интересное наблюдение. Не факт, что верное, но... Гордо, пометь на доске, будь добр.

– Еще ни у одной из них не было причин травиться или прыгать с балкона, – дополнил орк, делая пометку. – Ни несчастной любви, ни неприятностей на службе или, например, пристрастия к наркотикам. Просто жили люди, а потом решили умереть.

Тоже уместное замечание. Всегда есть мотив, даже для самоубийства. Просто так никто не сводит счеты с жизнью. Тем более, молодые девчонки. К тому же приезжие.

– Да, керченских среди них нет, – подтвердил орк, выводя под каждой фотографией на доске место жительства. – Кто-то из Малороссии, кто-то живет в Крыму, но из другого города. Эта вот, с Екатеринодара – к родне на неделю в гости приехала. Цели приезда у всех разные: от отдыха до служебной командировки.

– Может, перестанем уже называть эти случаи самоубийствами? – предложил я коллегам. – Тут явно прослеживается умысел и чья-то воля. Схожая внешность, одинаковый возраст плюс-минус пара лет, не местные...

– Согласна! – поддержала меня Кэйтлин. – Это убийства. Кто-то доводил их до самоубийства.

Все остальные молча кивнули и продолжили наблюдать за тем, как Годрох заканчивает формировать данные на доске. На это у него ушла примерно минута.

– Итак, что у нас есть? – на правах старшей начала обсуждение Шар’Амалайя. Восемь смертей, произошедших за четыре месяца. Примерно по одной раз в две недели, поправь меня Годро, если я ошибаюсь.

– Примерно, – подтвердил тот и расположил карточки девушек на возникшей временной шкале.

– У последних жертв имеется остаточный магический фон, – продолжила эльфка. – Правда, «тест на магию» делали только шестой, седьмой и восьмой, да и то лишь после того, как обнаружили остаточные эманации у дочери мэра. По остальным убитым мы ситуацией не владеем, их тела уже захоронены в родных городах, даже если мы захотим проводить эксгумацию, времени это займет порядком. Пока я предлагаю принять как факт, что фон имеется у каждой. Потом, когда коллеги на местах пришлют отчеты, уточним.

Все закивали, и я тоже. Правда, думал не о пяти эксгумациях, а о том, как нам «повезло», что своей последней жертвой убийца выбрал дочь мэра Феодосии. Если бы не этот его просчет, мы могли бы нескоро узнать о том, что творится в этом маленьком приморском городке. А так...

Я представил, как это было. Убитый горем отец приезжает на опознание в керченский морг. Видит свою дочь на стальном прозекторском столе, выслушивает версию о самоубийстве, после чего начинает орать. Сообщает, что «Анна была хорошей девочкой!», «никогда не пила» и «уж тем более, не стала бы травить себя таблетками». В общем, он не верит, ищет виноватого, а так как возможностей у него чуточку больше, чем у всех остальных убитых горем родителей вместе взятых, то требует, чтобы тело его дочери исследовали на магию. И ее следы обнаруживаются.

Дальше все проще. Кому-то из местных полицейских (ага, вот его фамилия, следовательно Филиппов) приходит в голову, что дочь мэра Феодосии и еще одна девушка в морге внешне очень похожи. Решая проверить догадку, он заставляет эксперта провести тест и с этой жертвой «несчастливого случая», вскоре получив подтверждение – есть магия. Шестую ему уже подсказывают проверить[МСВ1], а потом вступают в силу алгоритмы, вбитые в каждого нормального следака – он ищет подобное. Он ищет и, естественно, находит.

Так на доске екатеринодарской Секции появляются восемь фотографий. Три подтвержденных жертвы запретной магии, и пять – предположительных.

– Почему именно запретной? – уточнила здесь Кэйтлин.

– Ну, если мы считаем, что девушки не сами решили свести счеты с жизнью... – начал я, опередив открывшего рот Годроха.

– Магия контроля и принуждения? Убийца орк? – тут же сориентировалась девушка. Про видовые особенности магии она уже знала.

– Не обязательно, – Шар’Амалайя в очередной раз остановила фонтанирующую вопросы Кэйтлин. – Но вывод напрашивается, согласна.

– Есть и артефакты, с помощью которых можно заставить человека сделать то, чего он не хочет, – сообщил гном. – Но они тоже под запретом.

– А еще – проклятья, – тихо, так чтобы услышать его мог только я, сообщил Василич. Он еще стеснялся высказываться в компании нелюдей, хотя как сотрудник Секции мог, и даже должен был это делать.

Забрать с собой домового мне предложил Лхухдар. Сам орк не очень ладил с метаморфами, а после моего ухода Василича надо было закреплять за каким-то другим следователем УБОМПа, чего никто из них не хотел. Вот и вышло, что остался мой бывший порученец не у дел, хоть увольняй его. А ведь для домового без «прописки» это смерти подобно. Да и сотрудник полезный. Так что я согласился. Согласовал этот вопрос с эльфкой, нашел подходящий валенок, в котором и принес домового в новое помещение.

На замечание Василича я ответил поощрительным кивком, мол, молодец, верное замечание. А вот представители Старших рас, как по команде, либо скривились, либо презрительно хмыкнули. С их точки зрения, версия, озвученная домовым, не имела права на жизнь. Потому что... ну какая магия у Младших? Заговоры-наговоры? И с их помощью убиты восемь девушек? Да ладно!

Мне тоже не казалось, что использовалось проклятье, но предположение нельзя было исключать, не проверив. В отличие от эльфов, гномов и орков, я прекрасно знал, каких дел можно наворотить с помощью способностей Младших рас.

Был у меня один случай в практике, когда один мстительный, да еще и бездомный метаморф целую семью чуть со света не сжил. Мы довольно быстро сумели разобраться, никто не успел умереть, так, легким испугом отделались да неврозами. А могли и руки на себя наложить, пройди побольше времени.

А было все просто. Семья с ребенком заселилась в квартиру. Прежний хозяин умер (естественные причины), а домовый, который с ним договор заключал, остался. Что примечательно, про него никто и не вспомнил в ЖЭКе, так как человек и метаморф не оформляли официального соглашения, чтобы не платить налоги. Но «прописку» провели по всем правилам, так что формально перевертыш в своем праве был.

Новые жильцы сперва его обидели, уже не помню, как. А потом решили выселить, но тоже сэкономив. Пригласили для этого не официального представителя ЖЭКа, а какую-то родственницу из деревни. Та своими отпугивающими травами ситуацию еще больше обострила, и домовый начал жильцам мстить.

Делал он это грамотно и тонко: здесь труба протечет, тут шуруп, который полку держит, расшатается. По ночам концерты устраивал, а под конец и вовсе границы приличий потерял – стал видения спящим посылать, делая невыспавшихся людей нервными и раздражительными. А те, вместо того, чтобы выселить незаконного жильца, продолжали войну «народными» средствами. Например, выставляли прокисшее молоко в блюде, а в хлеб – осколки стекла заталкивали. Идиоты, в общем.

Когда к делу подключился УБОМП, лихорадило уже весь подъезд. Морф слетел с катушек, пришлось, не без помощи других домовых, в окрестных домах обитавших, его развоплощать. Жалко бедолагу было, но тогда я урок усвоил – Младших нельзя недооценивать.

Только вот, учитывая обстоятельства нашего дела, я не мог придумать мотива, по которому перевертыш стал бы девушек до самоубийств доводить. С другой стороны, до недавнего времени я и вооруженных винтовками домовых не встречал, а тут довелось. Правда, там не метаморф был в чистом виде, а продукт магогенетики, как и Кэйтлин. И если мы имеем дело с детищем Вивисекторов, подобным тому, которого ИСБ забрало...

Кажется, последние слова я произнес вслух, потому что услышал слова гнома:

– Вряд ли, Антон. Это не проклятье, а заклинание контроля или артефакт. У проклятий совсем другой фон. Это я тебе как эксперт говорю.

Я кивнул с благодарностью. Хорошо бы, чтобы наше новое дело не было связано с организацией Вивисекторов, а то в последний раз все большим количеством смертей закончилось.

– Пока работаем по версии заклинания контроля, – подытожила Шар'Амалайя. – Годрох, это больше твой профиль. Какие предположения, что это может быть?

Орк некоторое время молчал, прикрыв глаза. Не игнорировал вопрос, просто размышлял, как точнее на него ответить. Это племя уделяет очень большое внимание точности формулировок.

– Если заклинание применял орк, то с высокой степенью вероятности это Аяхо, иначе называемое «Подавлением воли». Формально его изучение не запрещено, а применение обширно, в том числе и в лекарских практиках, – Годрох открыл глаза и посмотрел на меня, а

потом на Кэйтлин. После чего, специально для нас, пояснил. – Как аналог анестезии. Пациент не чувствует боли, но может точно выполнять все команды целителя.

– Но применение Аяхо для того, чтобы заставить кого-то совершить самоубийство, это как паспорт на месте преступления оставить, – дополнил коллегу Ноб. – Оно связывает целителя и пациента, мы так и не смогли преодолеть данное условие при помещении заклинания в артефакт.

– К тому же оно требует физического контакта мага и объекта, – в свою очередь уточнила эльфка.

– А это опасно для убийцы, – подытожил я. – Все равно что за руку человека к краю балкона подвести и столкнуть. Кто-нибудь, да заметит. А в случае с выходом на автостраду... Нет, это не Аяхо. Кстати, а что если... Годно, а из девушек могли сделать «поднятых»?

Орки придумали заклинание, создающее «живых мертвецов» во время Первой войны Старших рас. Послушные, пусть и не очень умные и подвижные марионетки были живым щитом, принимавшим на себя магические атаки эльфов, давая тем самым время на подготовку ответного удара. Но главное, они были абсолютно послушны своему хозяину!

Орк опять прикрыл глаза и погрузился в изучение материалов дела.

– Нет, – с уверенностью сказал он через некоторое время. – В этом случае в телах жертв произошли бы необратимые изменения, которые бы нашли отражение в отчете судмедэксперта. Девушки не были «поднятыми». Но раз уж ты припомнил одно наше заклинание времен Первой войны, то и мне на память кое-что пришло.

– Так не держи в себе, поделись! – поощрил я его.

– Офицерский венец, – сказал он. И выразительно посмотрел сперва на Ноба, а затем на Шар'Амалайю.

– Твою мать! – тут же отреагировал гном.

– Это плохо, – поддержала его эльфка.

Я тоже вопросительно оглядел нелюдей.

– А для несведущих будут пояснения?

Годно открыл было рот, но Шар'Амалайя его опередила.

– Артефакт из тех времен, когда Старшие расы еще не разругались друг с другом и врагами числили только людей. Созданный на сплаве трех видов магии, абсолютно универсальный, требующий так мало энергии, что пользоваться им мог бы даже не маг. Как следует из названия, носили его офицеры. Командиры полков, солдатами в которых были люди. Все, как один, готовые умереть, но выполнить приказ офицера с венцом.

– И это плохо, да? – ничего не поняв уточнила Кэйтлин.

– Очень, – сказал я ей. В отличие от нее, я сразу уловил главное. – Это неприлично расширяет круг подозреваемых.

Глава 3

Прямой в голову я пропустил. Удар был неряшливым, вялым, нанесенным словно бы для галочки. Отбить подобный было несложно даже такому, с позволения сказать, бойцу. Но я все равно его пропустил. Наверное, потому, что так до начала драки и не смог поверить, что меня действительно собираются бить.

Просто... Приморский город белых стен и красных крыш, ласковый осенний вечер, улыбочивые люди и кричащие чайки, я такой нарядный с девушкой под руку прогуливаюсь – все это никак не согласовывалось с троицей разбитных молодых людей, которая поджидала нас на безлюдной улочке, куда мы невесть зачем свернули.

Хотя сразу было понятно, что намерения у них вполне однозначные, уж больно плотоядные взгляды они на нас бросали. Да и выглядели они так, что не спутаешь с отдыхающими: короткие стрижки, спортивные штаны и футболки темных тонов. Внешности все, как один, непримечательной. В сумерках я лишь отметил, что один из них, видимо, главный в группе, был повыше других...

Тут, наверное, имеет смысл объяснить, как мы с Кэйтлин оказались на пустынной керченской улочке, а то я что-то несколько вперед забежал. Все просто. Мы же поехали в командировку всем составом Секции, даже Василича в валенке прихватили. Дело серьезное намечалось, на дистанционке такое не распутаешь. А в Екатеринодаре пока все тихо было, так что...

Прибыли мы в Керчь во второй половине дня. Пока добрались до арендованного для группы дома, пока разобрали вещи, уже и вечер подступил. Собирались мы сюда основательно, как в небольшой отпуск, неизвестно ведь, насколько затянется расследование, так что каждый прибыл с парочкой сумок, а Шар'Амалайя и вовсе с четырьмя чемоданами, даже пришлось носильщика нанимать на вокзале.

Покончив с распаковкой вещей, весь состав Секции собрался в гостиной, чтобы набросать план действий на день следующий. И когда с этим закончили, мы с Кэйтлин (по ее просьбе) отправились на вечернюю прогулку. Пока еще светло было, сходили на набережную, посмотрели на руины османской крепости, после чего неспешно направились к дому. Ну и нарвались. Такая вот история, если вкратце.

Грабители будто бы вынырнули из темноты, где скрывались, поджидая таких вот беззаботных гуляк. Я в тот момент подумал, что сама архитектура благоволит неправедному их ремеслу: узкие улочки, куча всяких подворотен и ниш малопонятного назначения. Грабь – не хочу!

Двое перегородили дорогу нам, а третий зашел со спины, отрезая путь к отступлению. Так я их и обозначил: Дылда, Второй, Задний.

– Гуляем? – вопрос их главный протянул так, будто слово было вязкой патокой. Сладкой до приторности и липкой до невозможности.

Нормально его рассмотреть мне до сих пор не удавалось – слишком мало света. А вот голос «лидера преступной группы» мне не понравился. Было в нем что-то нездоровое. Пьяный? Под наркотой? Или просто псих, кайфующий от страха жертв?

– Если тут нельзя ходить, мы уйдем, – предпринял я попытку разрешить дело миром.

Я и правда был готов отдать деньги (с утра бы в любом случае всю полицию города на ноги подняли), лишь бы только в уличную потасовку не влезать. Не то чтобы я так боялся драк (хотя и не любил это дело), просто кончиться эта конкретная могла заточкой в моем боку. Грабители – люди простые. Если что не по плану идет, тут же за сталь хватаются. А со мной девушка, да и я сам в единственном отпускном костюме, который последний раз надевал года три назад.

При этом я все же попытался встать так, чтобы закрыть Кэйтлин собой от тех двоих, что стояли впереди, и как-то прикрыть от Заднего. Получилось не очень, грабители расположи-

лись довольно грамотно. На одних отвлечешься, все равно другому откроешься. И мысль еще перед ударом мелькнула: «Кого ты защитить пытаешься? Твоя спутница всех троих в кровавый фарш перемелет быстрее, чем ты чихнешь!» Правда, сейчас на ней был блокиратор, толком пользоваться магией она не умела, да и неправильно было бы хулиганов убивать. Это точно сочтут превышением пределов необходимой самообороны.

В этот момент, Дылда резко приблизился и коротко, без замаха, ударил. Вот этот прямой в скулу я и пропустил.

Было не больно, скорее, обидно за то, что я не успел среагировать на выпад. Нет, титулом мастера уличных боев я не обладал, но был молод, в приличной форме, да и драться приходилось. В последнее время даже чаще, чем хотелось бы. Но там и противники были нормальными злодеями, а не дворовыми шавками.

– Что вы делаете?! – тут же вскричала Кэйтлин и рванулась из-за моей спины. Я едва успел ее перехватить – не хватало еще ей под ногами путаться.

Подобные женские выкрики меня всегда забавляли. Особенно, когда я встречался с ними в кино или книгах. По правде сказать, я считал, что только там они и возможны. Ну, в самом деле, что может быть глупее, чем спрашивать уличных бандитов: «Что вы делаете?!» А на что похоже? Явно же не дорогу в общественную библиотеку спрашивают!

Оказалось, не только в фильмах так бывает.

Зато от пропущенного удара в голове прояснилось. В том смысле, что мыслить я стал, как ни странно, четче. Вылетели все глупости, осталось только четкое понимание – надо драться. Никаких переговоров, никакого мирного пути – удар на удар. Поэтому попытку Заднего напасть со спины, я решительным образом пресек пинком в колено.

Получилось, кажется, сильнее, чем я рассчитывал. Что-то хрустнуло, грабитель свалился на бок, схватился за ногу и заорал благим матом. Дылда тут же закричал, как пару секунд назад Кэйтлин:

– Ты че, сука, творишь!?

И вытащил из-за спины короткую палку.

Я про себя выматерился – несмотря на всю его примитивность, оружие для уличной схватки было опасным. Обычный отрезок металлопластиковой трубки, в один из краев которой заливается свинец. Получить таким мне не улыбалось совсем – можно к предкам отправиться, если в голову попадет.

Спасло меня то, что бойцом Дылда был еще хуже, чем я. Первый удар он нанес, пользуясь эффектом внезапности, я-то был немного знаком с «правилами» уличного гоп-стопа, а потому и не среагировал на неожиданную атаку. Сперва ведь надо было «разогреться», подвести разговор к этому самому, а уже потом бить.

Второй был того же уровня. Они бросились на меня вдвоем: Дылда размахивал трубкой, а Второй с разбегу намеревался ударить меня в прыжке ногой. Но, по всей вероятности, тренировки на слаженность действий они никогда не проводили, вот и вышло, что дубинка Дылды ударила Второго по выброшенной в мою сторону ноге.

Нет, понятно, что от «терпилы» с дамочкой грабители не ждали каких-то навыков рукопашного боя. И расчет был на стремительный наезд. Но хоть капельку думать, а?

На фоне возмущенного и полного боли вопля Второго, хрип Дылды был почти не слышен. А что я, дурак, что ли, подарки судьбы игнорировать? Отступил на шаг, пропустив его упавшего товарища, и отработал по корпусу хулигана с палкой. Получилось очень неплохо, на мой взгляд. «Двойка» в корпус сбила ему дыхание, а крюк в челюсть свалил с ног.

А вот потом я совершил ошибку. Надо было убедиться, что всех успокоил. Но в крови бурлило возбуждение, и мозги, видимо, не очень хорошо работали. Мыслил я так: «Сейчас повезло, не факт, что везение будет длиться вечно!»

– Уходим, Кот! – я подхватил девушку под руку и потащил к выходу с улочки, туда, где горели фонари городского освещения.

И не заметил, как Второй схватил выпавшую дубинку Дылды и, не вставая, шибанул ей меня по голени.

Боль была такая, что, кажется, свет в глазах померк. Я зашипел, рефлекторно склонился, чтобы схватиться за, по ощущениям, раздробленную на части голень, и тут же получил палкой по щеке. К моему счастью, удар Второй наносил из крайне неудачного положения, чудо, что вообще попал, поэтому удар вышел слабым. Но мне хватило. Погасший чуть раньше свет взорвался китайским фейерверком, затем сменился каким-то странным багрянцем и на секунду или около того я выпал из реальности.

За это время, как оказалось, я успел оседлать Второго, вцепиться ему в горло двумя руками. Игнорируя его слабеющие удары по корпусу, давил и давил, желая лишить паскуду дыхания. Потом почувствовал, как по плечам колотят маленькие кулачки, и услышал, будто сквозь слой ваты в ушах, голос Кэйтлин:

– Отпусти его, Антон! Ты же его убьешь!

И сразу же ослабил хватку. Хлестанул пару раз грабителя по щекам и с облегчением увидел, как он закашлялся.

– Черт!

С помощью девушки я поднялся на ноги и привалился к стене. Сердце бухало пожарным набатом, перед глазамиплыли цветные круги, а общее самочувствие было таким, будто я сдал норматив по физподготовке, а потом был избит парочкой казаков.

Сходили, блин, на прогулку!

Грабители тоже, конечно, пострадали. У Заднего, судя по тому, как он хныкал, баюкая ногу, выбит или сломан сустав. Дылда лежит без сознания, хорошую серию я ему выдал, а Второй продолжает кхекать, радуясь вернувшейся способности дышать. Но радости мне это не доставило. У меня был помят и испачкан грязью и кровью бежевый отпускной костюм!

– Бежим! – дернула меня Кэйтлин.

Но теперь уже я ее остановил.

– Я тут побуду. А ты беги, квартального сюда приведи.

– А если?.. – тут же испугалась девушка.

– Им сейчас хуже, чем мне, – успокоил я ее. Морщась и охая, дохромал до дубинки, поднял ее и вновь вернулся к стене. – А если будут безобразничать, я их успокою. Беги давай. Их надо в полицию сдать.

Ну, не мог же я, в самом деле, бросить тут трех пострадавших! А то они еще подумают, что за испорченный костюм можно отделаться лишь небольшой трепкой!

Спорить Кэйтлин в кои то веки не стала и шустро выбежала на центральную улицу. Когда цокот ее каблучков затих, а я в полной мере осознал, что остался один в компании пусть и помятых, но превосходящих меня числом грабителей, стало немного одиноко и чуточку тоскливо. Но не слишком. Я не играл в героя, если бы чувствовал опасность, то отправился за помощью вместе с ней. Просто мне нужно было пообщаться с нападающими тет-а-тет. Без лишних ушей и плохо мотивирующих на откровенность восклицаний: «Что ты делаешь, Антон, ему же больно!»

– Ну и кто вас надоумил на меня напасть?

Вопрос я задал единственному способному говорить хулигану. Им был Второй – бедолаге трудно было проталкивать воздух через помятое горло, но он хотя бы был в сознании.

Паранойя это разыгралась или здоровая бдительность, но я не верил в случайность нападения. Чтобы вот так тупо, в первый же день приезда, стать жертвой грабежа – это, конечно, возможно в теории, но на практике я бы на такое не поставил. Подозрения в том, что появление

бандитов не случайно, появились у меня в тот момент, когда Дылда первый раз меня ударил. Это было... не по сценарию!

– Ты о чем, мужик? – прохрипел Второй.

Я не слишком сильно, но чувствительно стукнул его утяжеленным концом палки по голени. Уж кому, как не мне, знать, насколько это чувствительное место!

– Повторю вопрос. Вы напали на следователя, который только приехал в город и решил прогуляться с девушкой. Ко всему прочему, следователь этот еще и квартирон. Допускаю, что таких сложных слов ты не знаешь, поэтому поясню. Во мне есть капля орочей крови, я чувствую, когда ты врешь.

– Я не вру!

– Вот прямо сейчас врешь. О том, что не врешь. Вас на меня навели. Кто?

Первыми и главными подозреваемыми для меня, конечно же, были Вивисекторы. Да, я понимаю, что для такой крупной и серьезной организации, способной создавать гибриды из людей и Старших рас, какой-то следователь из Екатеринодара – не фигура. Но я все-таки пару раз им дорогу перешел. Кое-какие неприятности доставил. Наконец, их самый удачный «опытный образец» сегодня прогуливался со мной под ручку. Так, может быть, они все-таки решили, что пора избавиться от докучливого сыщика?

К этому времени признаки мышления продемонстрировал Задний. Прекратив скулить, он, видимо, смог на короткое время сконцентрироваться на нашем разговоре и тонко крикнул:

– Молчи, Муха!

Но тот, кого он так назвал, и не думал колотиться сразу.

– Нахер пошел! – выплюнул Второй в мой адрес. И ожидаемо замолчал.

Картина знакомая до боли! Сколько таких «гордых» и «несгибаемых» побывало у меня на допросах – не счесть. Все они сперва демонстрировали это выражение лица – «ничего ты, мусор, от меня не узнаешь!» Но я узнавал. Каждый раз. А ведь в допросной у меня не было палки со свинцом внутри.

– Я понимаю, что ты ничего не знаешь, – проникновенно произнес я, давая искушение воспользоваться этим орудием убеждения. – Обо всем договаривался ваш главный, да? Вот этот мальчик, который сейчас красочные сны смотрит? Ты, как и твой товарищ, ничего не знал, я уверен. Для тебя это был обычный «гоп-стоп», правда же? Просто помять телку, отжать немного налика у заезжего фраера. За такое, если поймают, даже уголовка не светит. Без телесных повреждений так и вообще – на административку можно спрыгнуть. Ну, я прав?

Все преступники, кроме разве что идейных и отдельных видов психопатов, трусы. А грабители вроде тех, что были сейчас передо мной, точно! Нормальному человеку не требуется скрываться от своего страха за страхом других. Так что выход, который я давал Второму, срабатывал в девяноста процентах случаев.

Это не ты виноват! Не ты это придумал! Просто пособник, может быть, даже под угрозой действовал – боялся отмороженного жоака. И статья тебе будет мягче, и срок меньше, и надежда на будущее. Свали свой страх на другого, как ты привык делать всегда! Сдай!

Конечно, было бы лучше, если бы Задний так и продолжал баюкать свою ногу. Но и так сойдет. Мотивирует заговорить первым, пока подельник петь не начнет. Я же не говорил, что мое предложение предназначалось только одному.

Секунд двадцать грабитель молчал. Прикидывал, как ему лучше поступить. Он отлично усвоил информацию про следователя и орочий дар чувствовать правду и теперь думал, как бы подороже продать то, что он знает. Придя к некому выводу, он буркнул:

– Горын.

– Вот ты трепло! – тут же возмутился Задний.

– Закрой пасть! Чайка нас в это втянул, хрен ли бы я молчал!

Начало было положено. Рыбка клюнула, теперь нужно было подсекать. Я спросил:

– Что «горын»? Или кто «Горын»? Змей Горынович из сказок вам велел напасть?

Второй пошевелил разбитыми губами (я вроде бы только душил его, не бил же?) и выдал:

– Зовут его Горын. Он с Чайкой договаривался.

Чайка – это, надо полагать, Дылда? Совсем прозвище ему не подходит. Какая из него чайка, если он целый баклан! Наверное, дали его, когда он еще совсем мальком был, так и прилипло.

– И кто такой этот Горын?

– Да все его знают!

– Я не местный.

– Ну... – тут Второй замешкался, не зная, как описать искомого Горына. – Серьезный мужик. Лучше такому дорогу не переходить.

– Приму к сведению. Где его искать?

– Я не сука, че бы ты не думал, мусор! – окрысился грабитель. – Чужое на себя не возьму, но и своих не сдаю!

Замечательное утверждение! А сейчас ты, парень, что сделал? Нет, все-таки мелкие преступники не только трусы, но и мастера компромиссов со своей совестью. Тут сдал, тут не сдал – как бы и не стукач. Ладно, черт с ним! И так все ясно-понятно. Горын, значит? Найдем мы этого Горына и без помощи хулиганствующего молодчика. У местных коллег поинтересуюсь завтра, они-то уж точно в курсе.

– А тебе, калека, добавить нечего? – уточнил я у его товарища со сломанной, надеюсь, ногой.

– Хана тебе, мусор!

Вдалеке послышался дробный топот тяжелых ботинок, к которому примешивался цокот тонких каблучков. Приближалась подмога, ведомая Кэйтлин. Пора было заканчивать экспресс-допрос.

– Спасибо за сотрудничество, господа разбойники, – сказал я будущим сидельцам местной тюрьмы. – Вы мне очень помогли.

Когда на темную улочку вбежали два полицейских, тут же осветив ее ручными фонарями, я позволил себе расслабиться и тихонечко сползти по стене. И принять положенную герою награду... Нет, не поцелуй и не объятия, конечно. Просто восклицание, полное неподдельного беспокойства и заботы.

– Ты в порядке, Антон?

Мелочь, а приятно.

Глава 4

Выглядело это довольно забавно. Невысокая хрупкая девушка, считай – подросток, в строгом деловом костюме, с волосами, собранными на затылке, как у школьной учительницы, мерно шагает через гостиную туда-обратно и возмущенным голосом отчитывает привалившегося к стене мужчину.

– В первый же день! Мы еще к делу не приступили, а нашего следователя уже успели избить!

«Училкой», как не сложно догадаться, была Шар’Амалайя, а распекаемым следователем – я.

Подобного между нами до сих пор не происходило. Когда я только познакомился с агентами, они, конечно, повели себя, как последние снобы. Разговаривали через губу, всячески подчеркивали свое видовое превосходство. Но мне тогда довольно быстро удалось поставить их на место. Я был им нужен, а не они мне. Потом мы вообще, можно сказать, подружились.

Сейчас... не то чтобы все изменилось. Но кое-что стало другим. Для начала эльфка теперь была моим непосредственным руководителем, так что была в своем праве, когда повышала голос. Ну и я, если уж совсем честно, сам виноват. Отправился гулять по ночному городу и даже не подумал о том, чтобы взять у Ноба какой-нибудь защитный артефакт.

Конечно, никто не ставил мне в вину, что на меня напали хулиганы. Просто в моем лице был нанесен удар по репутации Секции. Вот как это выглядит в глазах местных стражей порядка: приезжают столичные штучки (для крымчан Екатеринодар именно столица), и, не успев приступить к расследованию, влипают в неприятности с местной шпаной. Вот уровень, думают керченские полицейские!

– Вообще-то, я победил, – буркнул я в свое оправдание. И тут же об этом пожалел.

– Подумать только – какое достижение! – голос эльфки остался в прежней тональности, но яда туда добавилось не меньше литра. – Агент-дознатель Серебряной Секции расправился с тремя хулиганами в подворотне! Это, я уверена, полностью оправдывает существование нашей службы, а также все расходы, которые несут налогоплательщики на ее содержание!

Было раннее утро, что-то около половины восьмого. И началось оно, как уже стало понятно, не с кофе. С публичной порки оно началось, и на мероприятие это были «приглашены» все сотрудники Секции: Ноб и Годрох расположились в креслах у камина, откуда бросали на меня ехидные взгляды, Кэйтлин замерла в дверях и всем своим видом продемонстрировала чувство вины, а эльфка, как уже говорилось, мерила шагами небольшую гостиную. Только Василича не было видно, но я был уверен, что он тоже присутствует, просто прячется. Не любил домовой привлекать к себе внимания.

– Можно подумать, я сам их спровоцировал, – не удержавшись, сказал я в ответ на последнюю, особенно ядовитую реплику.

– Ох, молчите уже, Антон, – устало произнесла Шар’Амалайя. Я заметил, что когда она злилась на кого-то, то тут же переходила с ним на вы. – У вас просто талант влипать в неприятности!

Замечание одновременно справедливое и нет. Неприятности меня действительно преследуют, это правда, но я ведь их не ищу. То есть я вообще ничего не делаю, чтобы стать мишенью для ударов судьбы. Только служебные обязанности выполняю.

Но я не стал ничего говорить. Пусть ее, в конце концов. Выговорится, да и перейдем уже к делу. Так-то я ее понимал, сам бы орал резаным поросенком, кабы мой подчиненный в командировке такой фортель выкинул. Ну, если бы у меня был подчиненный.

Так и произошло. Еще минуты две эльфка обвиняла меня в несознательности, невезении и даже непрофессионализме (это-то тут причем?), после чего, наконец, с усталым видом опустилась в кресло и произнесла:

– Ладно. Закончили с этим. Пора заняться делом. Годро, какой у нас сегодня план?

– Через десять минут нас ждут в городском управлении полиции, госпожа, – ровно, будто хороший секретарь, тут же отозвался орк. Мне показалось, или в чуточку рычащем его голосе сейчас проскочили нотки веселья?

Шар'Амалайя, только успевшая успокоиться, побелела от гнева.

– Что? – вскричала она. – И ты молчал!? Мы же уже опаздываем!

– Вы были заняты, госпожа, – без тени смущения ответил Годрох.

Гном гоготнул. В другой какой конторе начальник за такое разгильдяйство уже бы сыпал проклятьями и грозил «неполными служебными». Шар'Амалайя лишь выдохнула, сменила гневное выражение на понимающее и как-то совсем по-старушечьи захекала.

– Ладно-ладно. Я поняла. Перегнула палку. Не было особенного повода отчитывать Антона при всех.

– Ну почему же, – с серьезным видом произнес Годро. – Было очень весело и познавательно.

– Смена стиля управления! Мне нравится! – добавил Ноб.

Эльфка чуточку порозовела. А я понял, наконец, что происходит.

Раньше в Секции было только три агента. И они научились как-то друг с другом уживаться. А потом появился я да еще приволок с собой Кэйтлин и домового в валенке прихватил. И стало нас шестеро. Модель поведения, которая работала раньше, дала сбой, и эльфка пыталась выстроить новую. То, что произошло сегодня утром, было крушением одной из них. При полном содействии прочих агентов.

– Ноб, подготовь машину, – спокойно, голосом прежней начальницы, произнесла Шар'Амалайя.

– Уже сделано, госпожа, – отозвался гном. – У крыльца.

Вообще, в отношениях внутри Секции я до сих пор еще плавал. Вроде, и знаком уже с людьми, пардон, с нелюдьми, третью неделю, даже кое-что про каждого из них успел узнать, но вот понять, как эти настолько разные разумные научились друг с другом уживаться, не устраивая из каждого спорного вопроса локальную войну Старших рас, так до сих пор и не смог.

Внешне-то все выглядело достаточно просто. Есть глава екатеринодарского отделения Секции, есть агенты под ним. Простая и понятная административная структура: начальник и подчиненные. Но есть нюансы, и их было великое множество. В ряде вопросов управление на себя брал Ноб, порой его перехватывал Годро, даже я во время расследования иногда принимался командовать. И, казалось, никого это особенно не заботило. Табели о рангах? Нет, не слышали о таких! При этом Шар'Амалайя была несомненным лидером группы – это под сомнение не ставилось никогда.

Сильный маг-стихийник, наследница семьи, ей было не меньше шестисот лет, может, даже больше, но у женщин же такие моменты не уточняют, да? Прочие агенты звали ее исключительно «госпожой», хотя особенной практики чинопочитания в Секции я не заметил. Но к ней относились с подчеркнутым почтением. Не как к существу высшей расы, скорее, как к уникальному специалисту. При этом не стесняясь яростно с ней спорить, если не согласны по какому-то вопросу. Актвов открытого неповиновения я еще не видел, но это, скорее, заслуга эльфки – умеет она ключики к разумным подбирать.

Взять того же Годроха, в имени которого по какой-то причине опускается последняя буква. Ментат, как все его соплеменники, умница, очень тактичный и чуткий собеседник, никогда не повышающий голоса и не лезущий в чужие дела. Ни с кем в Секции мне не бывает

так комфортно говорить или молчать, как с ним. Он всегда ведет себя чуточку отстраненно, даже находясь в компании – будто зашел на чужую вечеринку. И при этом именно он настоящая душа коллектива, к которому все ходят советоваться или жаловаться. Другими словами, он вполне способен перетянуть фокус на себя, но почему-то этого не делает.

А у Ноба склочный характер. Гномы этим славятся, но мне кажется, что его бы и соплеменники прибили за вредность. Нормы общежития он игнорирует, может за минуту сменить амплу со «своего парня» на жуткого перфекциониста-артефактора, которому никто не ровня. Но и к нему эльфка как-то нашла подход. Ходит у нее по струнке, однако может и поерничать.

В общем, контора не вполне обычная в плане служебных отношений. Надо как-то привыкать.

По Керчи гному пришлось водить не то чудище с форсированным мотором, к которому он привык, а арендованный внедорожник. Хороший новый «Ситроен», но, конечно, не чета тому зверю, который мог пересечь Екатеринодар из края в край за полчаса. Машина даже была адаптирована под орков – третий ряд сидений был специально заменен низким диваном, позволявшим Годроху сидеть нормально, а не ездить на полу, как обычно.

– Вот, учись, Ноб, – сказал орк, с удобством устраиваясь. – Подумали люди о других. А у тебя только и хватило ума, что часть сидений убрать.

– А твоя когда придет? – не стал даже обижаться гном. – А то я уже год, наверное, слышу, как твоя «ласточка» едет. Мне кажется, она за это время уже всю планету могла объехать.

– Скоро, – безразлично отозвался Годрох. – Когда придет время.

– А орки свои машины строят? – уточнила Кэйтлин. Видимо, до автопрома в своих изысканиях она еще не добралась.

– Орки? Машины? – тут же взвился гном. – Да ты что, девочка!

– Они не дружат с техникой, – вмешался я. – Как и почти все Старшие и Младшие расы...

– Кроме гномов!

– Да, кроме гномов. Несколько автоконцернов, у которых есть филиалы в Британии, создают для них адаптированные модели. Они, как правило, просто крупнее...

– Да они просто монструозные! – гном никак не мог замолчать. – Это чудовища, а не машины! Я даже не говорю о том, сколько они жрут топлива на сотню!

– Мы, может, поедем? – терпеливо, но с едва уловимой ноткой раздражения вмешалась в разговор Шар'Амалайя.

Все сразу замолчали, а гном тронул машину.

В керченскую управу мы, конечно же, опоздали. Вроде, и город маленький, и водитель один из лучших среди мне известных, а гонять по узким улочкам и у него не получалось. Прибыли с задержкой всего-то на десять минут. В принципе, ничего странного для «столичных штучек». Эльфку это, однако, злило – с ее точки зрения мы потеряли еще одно очко репутации с местными.

Но встретили, тем не менее, нас тепло. Начальник городской полиции, седой пузатый дядька в мундире, который, судя по всему, он не надевал уже несколько лет, представился Андреем Степановичем Славиним. Видимо, у окна дежурил его порученец, потому как он сам выбежал на улицу (смотрелось это забавно), едва мы вышли из машины. Расплылся в улыбке, облобызал ручку опешившей эльфке и, подхватив ее под локоток, повел внутрь здания – небольшого трехэтажного особнячка позапрошлого века в купеческом стиле.

– Здесь у нас, госпожа Шар Амалайя, дежурная часть, – услышал я его голос уже изнутри. Статус и имя старшего агента Секции он произносил раздельно, в два слова, видимо, боясь ошибиться. – А далее, извольте взглянуть...

Орк закатил глаза. Гном чихнул и выдал:

– Провинция...

Только Кэйтлин отозвалась о начальнике полиции положительно.

– Смешной дядька.

Я ничего не сказал. По службе мне и раньше доводилось выезжать в маленькие, до ста тысяч населения, городки, так что поведение Андрея Степановича не стало для меня неожиданностью. Понять мужика можно: не просто следственная бригада из Екатериноудара пожаловала, а целых три нелюдя из Серебряной Секции!

– Надо госпожу догнать, – сообщил зачем-то гном и скрылся в дверях. Мы отправились за ним.

К счастью, «торжественный прием» нас не ждал, начальник довольно быстро протащил эльфку по ключевым местам своего ведомства и уже через пять минут усадил всех нас за длинный стол для совещаний в своем кабинете. Где уже ждали трое полицейских: двое в форме, и один в цивильном – видимо, следователь.

– А это, значит, наша команда! – провозгласил Андрей Степанович, дождавшись, пока мы все рассядемся, и заняв место во главе стола. – Город у нас, как вы сами понимаете, небольшой, людей мало, вот и выкручиваемся, как получается.

Он указал рукой на средних лет здоровяка, подстриженного почти под ноль, явно чтобы скрыть начинающую лысеть макушку.

– Это Сергей Евгеньевич Усов, начальник следственного управления, он же отвечает за работу квартальных, так что, если понадобится помощь с поквартирным обходом или еще что, это к нему.

Крепыш привстал и коротко кивнул. Лицо его даже не пыталось изобразить приветливость. Похоже, нахождению за этим столом он был не очень рад. Или от важных дел его оторвали или... Или он не любил нелюдей. Теперь, присмотревшись к лицу Усова, я был уверен в том, что верно последнее предположение.

Явление, кстати, не слишком редкое, хотя и не массово распространенное. Всегда есть люди, которые настолько любят историю, что не замечают очевидного: она осталась в прошлом. Времена изменились, войн не было уже полтора года, но эльфы по-прежнему агрессоры, гномы – их пособники, а орки... Ну вот с орками не так просто, они же в Последней войне выступали на нашей стороне.

При этом такие люди как-то очень старательно игнорируют тот факт, что достижения сегодняшнего прогресса, уровень жизни, к которому они так привыкли, возможен во многом благодаря Старшим расам. Та же Сеть. Не было бы гномов с их руноскриптами – не было бы у тебя федеральной электронной базы преступников, да и с коллегами бы по коммуникатору ты бы тоже не смог созваниваться.

Ладно, черт бы с ним! Лишь бы не мешал расследованию.

Славин между тем продолжал знакомить нас с личным составом.

– Вадим Игоревич Самохвалов, руководитель криминальной полиции.

Привстал следующий полицейский в форме. Худощавый, интеллигентный, очки в тонкой оправе очень гармонично сидели на острой переносице. Этот в буку играть не стал, вежливо, правда, без души, улыбнулся всем, качнул головой и даже произнес: «Рад знакомству!»

– Ну и, конечно же, тот, кто вел дело о самоубийствах до вашего приезда. Алексей Федорович Филиппов, следователь по особо важным делам.

Следак на этом собрании был чужим. Не потому, что единственным пришел в гражданской одежде, я, например, тоже мундир только на праздники надеваю. Филиппов чувствовал себя здесь не в своей тарелке. Будто он впервые оказался в обществе столь высокопоставленных местных начальников. Хотя представили его «важняком», вроде, должен был уже привыкнуть.

Был следователь невысок, сутул, с угрюмым лицом затюканного жизнью неудачника, который ничего хорошего от будущего не ждет. Но глаза имел хорошие – ясные и умные. Мне он, скорее, понравился. А затравленный вид – что ж? Вдруг у него на семейном фронте проблемы?

Как по мне, хватило бы его одного. Начальство – это, конечно, здорово: помощь, содействие и все такое. Но по сути все это собрание было больше политесом в адрес приезжих, чем предложением реальной помощи.

Другое дело – человек, который с самого начала сводил одно с другим, выстраивая из разрозненных случаев цельную картину. Правда, смотрел он на нас волком, но тут уж ничего не поделаешь. Эмоции его мне понятны, сам не так давно был в ситуации, когда мое расследование передали «серебрянкам».

Шар'Амалайя, может, и разделяла мое мнение о ненужности начальства на этой встрече, но сама принадлежала к этой касте. А потому она не могла просто сказать Славину, что руководители управлений могут возвращаться к работе, а нам бы только Филиппова отдать, и мы вполне довольны будем. Пришлось ей выслушать уже известные всем нам факты о деле восьми «самоубийц», покивать предложенным версиям. Через двадцать минут совершенно бездарно потраченного времени она, наконец, поднялась, и веско, несмотря на свой рост и несерьезный вид, произнесла:

– Благодарю, что смогли уделить нам время, Андрей Степанович. Коллеги. Дальше мы займемся делом сами. Кстати, скажите, нужно ли как-то оформлять временный перевод вашего сотрудника в нашу группу? Я не очень хороша в этих делах, к тому же у нас, в Секции, все достаточно свободно с этим вопросом.

Ага, ври больше! Свободно у нас! Штатку на консультанта выбивали из Москвы неделю! Хотя, с другой стороны, по первому нашему совместному делу, инсценированному ритуалу, все и правда было сделано легко и просто.

А Филиппов прямо воспарил! На краткий миг глаза его вспыхнули надеждой, которая тут же сменилась прежним внимательным и отстраненным выражением. Не хочет показывать, что прямо-таки рвется раскрыть дело? Любит свою работу? Полезный кадр.

– Распоряжение об этом я подпишу в течение нескольких минут, – заверил Славин, но произнес это с какой-то несвойственной ему раньше настороженностью. – А вы уверены, госпожа Шар Амалайя, что это необходимо? У Филиппова и других дел достаточно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.